

- Егор Улиров -

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Егор Упиров

Вопль

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70281394
SelfPub; 2024*

Аннотация

Каждый однажды услышит голос, зов или вопль, который изменит его жизнь навсегда.

Егор Упиров

Вопль

Холод. Первое что я почувствовал был холод. Острый и колющий, как рыбы кости, он пронзал мою кожу, проникая в поры и сводя мои мышцы. Телодвижения были мне непосильны. Я чувствовал, как моё тело остывает. Это приятное чувство. Словно погруженный в ванну со льдом после невыносимой, изнуряющей жары, я получал наслаждение от постепенно изводившего меня холода. Резкий перепад температур отзывался легким покалыванием или пощипыванием, будто тысячи радио и телепомех у тебя под кожей. Не помню, как долго это продолжалось, но помню, как резко и бесцеремонно моё тело пронзило судорогой. Приятного мало. Радует одно – боль я сейчас ощущаю не так явно.

Белый шум. Я слышал только белый шум. Меня вертело, переворачивало, бросало из стороны в сторону, как головокружение. Вода бурлила и хлестала по лицу, залезала ко мне под одежду, под кожу. Удар. Что-то тяжелое тупо ударило меня по голове. Я зажмурился и, хотя меня мотало, как лист в осеннем порыве, появилось стойкое ощущение неподвижности. Будто помещенный в масло или формалин, я лишь еле ощутимо покачивался от прикосновений воды, испуская плотные пузырьки воздуха. Застывший в воде, как насекомое в янтаре, я слегка приоткрыл один глаз и улыбнулся.

ся черному бесформенному предмету, который быстро приближался ко мне. «Конец», -мысленно проговорил я, прежде чем отключился. Примерно полторы минуты назад (а может быть прошел уже час?) я решил спрыгнуть в бурлящий поток сибирской реки, оставив улицу наедине с собой.

Все началось в моей квартире за день до этого. Был сентябрь или апрель, не помню. Погода была дождливая и хмурая. На улице моросил дождик, отстукивая неровную дробь по крышам припаркованных снизу машин. Посеревшее под натиском пузатых дождевых облаков небо нависало над крышами таких же серых домов. Ветер бесцеремонно заигрывал с посеревшим тополиным пухом...значит, был июнь или июль. Странно, мне всегда казалось, что такая погода бывает только весной и осенью. Было лето. Я сидел на узком подоконнике перед открытым окном и наблюдал за тем, как смеркается день. С улицы, через окно, до меня, вместе с прохладой осадков, доносился тот очаровательный запах дождя, который так успокаивает и умиротворяет. Вдох. В этот момент, в момент вдоха и выдоха, мир и всё вокруг казалось таким минимальным, таким ничтожным и вторичным. Сейчас существовал только я, дождь и раскрытое настежь окно. Выдох. На асфальте медленно, но однозначно толпились лужи, тучи сгущались, день подходил к концу. Глубокий вдох. Дождь закончился, наполнив воздух бодрящей свежестью. Выдох и снова вдох. Я смотрел на пустой сырой двор, на причудливые лужи, на падающую с деревьев воду, на тяжелый

песок на детской площадке. Как вдруг меня посетила мысль о том, что окно точно такого размера, чтобы я смог пройти через него в полный рост. Не пригибаясь. Это удивительно, но раньше я этого не замечал. Я стал примеряться и даже залез на подоконник с ногами. С улицу задувало и мои привыкшие к домашним тапкам ноги слегка побледнели. Но я все примерялся, просовывая по очереди разные части своего тела в наружу. Показалось. Для того, чтобы пролезть в окно, мне всё же придется нагнуться, при чем довольно сильно, примерно, в 1,5 раза. Признаться, это слегка меня огорчило, и я принялся спускаться с подоконника. Я уже почти слез, как чей-то вопль, доносившийся с улицы, заставил меня снова замереть на подоконнике: «Смотрите! Остановите его! Прыгнет!» Это была женщина, на вид ей было лет 40, хотя я плохо разбираюсь в возрастах, особенно в женских, особенно если женщина страшная. Та была страшная.

Мне стало интересно, кто же собирается спрыгнуть, и я подался вперед, высунувшись почти всем телом в окно в попытке отыскать новоявленного самоубийцу. Когда я высунулся из окна, женщина заверещала ещё отчаянней: «СТОЙ! НЕ ПРЫГАЙ! МОЛОДОЙ ЕЩЁ!». Я засуетился, спеша рассмотреть верхние этажи, но почувствовал, что если подамся еще чуть-чуть вперед, то точно упаду. Я обратился к женщине:

– Извините, а на каком он этаже? – из-за того, что я живу на четвертом, мне не пришлось сильно кричать. Женщина

на секунду застыла, широко уставившись на меня. Быстро огляделась по сторонам и убежала прочь.

Я проводил ее ускользящее в арке тело, еще раз поглядел на верхние этажи и убедившись, что никто не решил свести счеты с жизнью, слез с подоконника и закрыл окно. Пока я искал того, кто собирался спрыгнуть, день совсем закончился. Наступила ночь. Зажглись фонари, в свете которых лужи походили на бездонные ямы, разбросанные тут и там по двору. Взглянув в последний раз на двор, я тяжело выдохнул и пошел обедать.

В тот день я проснулся в три или четыре часа дня, тогда же и позавтракал чаем и булкой с сахаром. Не знаю почему, но я сильно люблю мучное, во всех его проявлениях, особенно с сахаром. Тем временем было уже десять часов вечера, и я проголодался. Живот уже изнылся, пытаюсь привлечь к себе внимание. В последнее время я так мало и непостоянно ем, что должно быть сбросил уже килограмм десять, а может всего один. На этот счет у окружающих меня, да и у меня самого, ходят разные мнения. Весов у меня нет, поэтому проверить это никак нельзя. Но зато достоверно известно, что своим режимом питания я заработал себе гастрит. У меня даже есть на него сертификат от врача из поликлиники. Я вошел на кухню.

На кухне было всё как всегда: холодильник в дальнем углу, стол с тремя стульями возле стены напротив, неприятный запах застоявшейся воды. Я поморщился и встряхнул голо-

вой – надо избавляться от этого запаха. Возле холодильника я замер, заметив в отражении стекла тощего с синяками под глазами. Он был пугающим. Особенно пугали его глаза, они были безумными и впалыми, как у старика. Я вглядывался в отражение, ощущивал его глазами и никак не мог избавиться от мысли, что я где-то его видел. Может быть это мой сосед? Но который? Вскоре отражение исчезло и в стекле снова замельтешило моё собственное, к которому я привык. Открыв холодильник, я обнаружил лишь один помятый томат и бутылочку уксуса без этикетки. «Сегодня обедаем салатом». Зачем-то включил плиту. Посмотрел как нагревается конфорка. Выключил. Отобедав томатом, я протер уголки рта бумажной салфеткой и пошел готовиться ко сну. Не скажу, что я был уставший, но больше делать мне было нечего. Но не будем о моих делах.

В отличие от кухни, где шумит холодильник и капает кран в спальне замерла тишина, мебель притаилась и даже свет уличных фонарей расплзся по комнате тихо, как змей. Я снял свою домашнюю одежду, стряхнул с ног тапки и нагишом лег в постель, закутываясь в одеяло. Но едва я устроился в постели, как сверху кто-то забегал. По звуку шагов я смог определить, что бегали двое: мужчина и женщина. Сначала они бегали просто, без слов. Потом послышались тяжелые слова, отбиваемые басом. Вероятно, говорил мужчина. Он говорил много, но я услышал только «собирайся!», которое он рывкнул неожиданно громко, что я даже вжался по-

сильнее в постель, лишь бы никуда не собираться. После был хлопок дверью и тишина. Я ещё долго прислушивался, пытаясь отыскать хоть какое-то присутствие, но безуспешно. Я снова был абсолютно один, абсолютно одинок.

– Интересно, куда они ушли? Мне кажется, мы могли бы с ними подружиться. Да, наверняка могли бы, – думал я. – Надеюсь, мы с ними однажды познакомимся... хотя нет, лучше я буду дружить с их шагами и голосами. Меньше будет хлопот. Да, так было бы чудесно, – Ещё немного помечтав о том, как будет здорово дружить с шагами и голосами своих соседей сверху, я заснул.

Я проснулся от дикого вопля. Ничего не понимая, я как в тумане встал и пошёл в ванную, пошаркивая тапками. Свет в ванной включается не сразу, поэтому несколько секунд я постоял в темноте. Когда свет зажегся, заспанными глазами я посмотрел на себя в зеркало. «Опух...». Включил холодную воду. Умылся. «Всё еще опухший». Обтёр лицо полотенцем и пошёл обратно в спальню. В спальне было темно. Я сел на постель и устался в стену. «Ночь на дворе...». Я вспомнил про вопль и застыл, прислушиваясь к гудящей тишине ночи. Чьи-то неторопливые шаги с улицы, потрескивания проводки и телевизионный голос откуда-то из-за стены и никакого вопля. «Может приснилось?». Я скинул тапки и снова лег в постель. Едва я успел закрыть глаза, как снова душераздирающий вопль донесся откуда-то сверху...или снизу... В этот

раз я буквально вскочил с постели, скинув одеяло на пол, и побежал на балкон. На балконе было светло и прохладно. Я вздрогнул.

С балкона мне открывался вид на дорогу, хорошо освещенную и пустынную. Лишь подмигивающие светофоры и застенчивые пешеходные переходы, которым навязчивые светофорные столбы уже не первый год строят глазки, посылают им свои зеленые, желтые, красные поцелуи. «Тишина...». Немного погодя, я увидел, как из-за угла на мою улицу свернула колонна улица-очистителей, сканируя всё вокруг оранжевым светом своих мигалок, наполняя улицу гудением. «Уже утро». Я часто засыпаю под утро и поэтому отлично знаю, что улицы умывают примерно в 3 часа утра...или ночи? Колонна проехала, оставив на улице мокрые подтеки со сбившейся в комья белой пеной и всяким городским мусором, вроде оберток от шоколадных батончиков или сухих веток. Еще немного постояв на балконе, пусто глядя в его окно, я ушёл обратно в спальню.

Войдя, я увидел валявшиеся на полу одеяло и тут-же вспомнил про вопль и снова застыл, в этот раз стоя. «Ну давай же...». Я хотел поймать его, уличить его в существовании, но вопль был хитёр. Будто наблюдая за мной, он знал, что я в засаде, что я жду его. Это походило на предварительные ласки в игре охотника жертвы. Оставалось выяснить у кого какая роль. Впрочем, постояв ещё минут пять, я сдался и не дождавшись появления вопля снова лег спать. Я под-

нял одеяло с пола и аккуратно, стараясь не шуметь, залез в постель. Всё это время я был без своих домашних тапочек, а поэтому к ногам прилипли все различные крошки, которые теперь были и в постели. Я был зол на себя за то, что я забыл надеть свои тапки и теперь вынужден спать с крошками в ногах. Но спать хотелось страшно. Я заснул.

Я свалился с постели и больно ударился копчиком об пол. Снова этот дурацкий вопль! Я был зол, был готов рвать и метать. Мне не дают нормально поспать! Я не собирался больше это терпеть! Я ловко, как дикий кот, вскочил с пола, скинул с себя одеяло и побежал в коридор. Включил свет и тут же ослеп. «Чертова лампа!». Я начал тереть глаза и вдавливать их в глазницы, чтобы было не так больно. Через минуту я уже мог нормально переносить свет, наблюдая всё вокруг сквозь сощурившиеся глаза. Схватил с вешалки пальто, накинул на голое тело, поспешно натянул на ноги кеды и выбежал из квартиры. Я намеривался отыскать вопль и задать ему по первое число!

Выбежав из подъезда и пробежав несколько метров, я остановился. Мне было тяжело дышать. Только что я сбежал с четвертого этажа по лестнице. Я даже не заметил этого! Отдышавшись, я немного успокоился и теперь всё, что я только что сделал, казалось сном, бредовой идеей сумасшедшего. «Ты сошёл с ума!». На улице тем временем рассветало. Весь мир потихоньку просыпался, отходил от ночной передышки, готовился к новой гонке. Птицы тихо перечирикивались,

шелестела листва тополей. Тихо перекатывался тополиный пух, сбившийся в густые сугробы вдоль бордюра. Было прохладно, отчего я вжался поглубже в пальто. Всё вокруг было спокойно. Никакого вопля тут нет и в помине. Я решил возвращаться домой, пока кто-нибудь не увидел меня в таком виде. Подойдя к тяжелой подъездной двери, я потянулся в карман за ключом. Ключа нет. «В другом кармане...». Но и там его не было. «Я же не закрывал квартиру...Сука!», – я несколько раз зло пнул подъездную дверь и пошел к лавке, которая находилась совсем рядом в нескольких метрах. «Это же надо быть таким идиотом...вопл...». В тот момент я ненавидел себя и ненавидел все вокруг. «Эти чертовы птицы точно смеются надо мной...». Лавка была старая с потрескавшейся зеленой краской, а на ней был схватившийся за голову, проклинаяющий себя и всё вокруг я. Улица пахло утром и стыдом. Запищал домофон. Я резко обернулся, но звук исходил из другого, соседнего подъезда. «На работу? Так рано? Они сейчас увидят меня!». Я свел ноги как мог плотно и попытался еще плотнее вжаться в пальто, чтобы никто не заметил, что под ним у меня ничего нет. Но это был бесполезно. Ноги у меня были голые и любой мог догадаться, что и остальное тело под пальто у меня голое. Мимо прошёл человек. Не знаю взглянул он на меня или нет, я отвернулся, чтобы не видеть его глаз. Мне было стыдно, неудобно. «Какой позор. Какой позор. Какой позор...». Человек свернул за дом, и снова настало безлюдие. Я был счастлив! Но нужно

было срочно, что-то предпринимать. Мне было холодно, по телу нервно забегала дрожь. «Нужно позвонить в какую-нибудь квартиру». Я встал и пошел к домофону. Быстро набрал три случайные цифры и принялся ждать. Ответа не было. Прозвучало уже 11 гудков... Сзади процокала женщина и я смутился. Быстро набрал другой номер. Через 5 гудков слышался заспанный, кажется женский, голос:

– Да?, – голос ничего не понимал, я точно разбудил его хозяйку, кажется молодую. «Извините...»

– Извините, я ваши сосед с четвертого этажа. Понимаете, я забыл ключи дома... не могли бы вы открыть мне дверь?

– Вы видели который час?

– Извините... я тут просто...

Он не стала дослушивать и просто открыла мне. «Спасибо! Спасибо большое!». Я скорее принялся открывать дверь, как вдруг до меня откуда-то сверху донесся странный, но такой знакомый звук. Вопль! Я стал оглядываться, но вокруг всё было по-прежнему. Я выбежал из-под козырька, который, в сущности, и служил нашему дому подъездом, и уставился вверх: прямо на меня летело вопящее обнаженное тело молодой девушки. Я отпрыгнул обратно под козырек. Девушка глухо ударилась об асфальт, после чего из-под нее начала сочиться кровь. Я остолбенел. Прямо возле моих ног валялась одна её грудь, которую оторвало после удара об землю, а ещё в двух метрах от меня неподвижно застыла хозяйка груди. Она лежала на боку лицом ко мне, у нее было симпа-

тичное лицо, на вид ей было лет двадцать. Я не знал, что делать. Зачем-то поднял кусок груди, валявшеюся у моих ног. Из него тихо сочилась теплая кровь, которая стекала по моей руке, заползая под рукав. Под девушкой уже была целая лужа крови. «Они подумают, что это я её убил...». Я убежал прочь.

Не знаю, как долго я бежал, прежде чем заметил, что грудь все ещё в моей руке, но, когда это случилось, она была уже едва теплой. Я быстро огляделся. Я был на мосту, и он был пуст. Я подбежал к мостовому заборчику, отделяющему дорогу от бурлящих вод сибирской реки, и остановился, перебирая кусок плоти в руке. «Что же делать?». Я посмотрел на воду, потом на грудь и размахнувшись что есть мочи кинул остывший кусок подальше в воду. В воздухе он был похож на кусок мяса, не более. Только я знал, что это был запретный плод ночной сорочки. Самая нежная часть девушки беззвучно, без брызг вошла в воду и исчезла в бурлящем потоке реки. Я облегчено выдохнул, но потом заметил, что грудь всплыла! «Блять!». Я быстро перелез через заборчик, но прыгнуть решился не сразу, лишь когда грудь почти скрылась из виду я спрыгнул.

Холод. Первое что я почувствовал был холод. Острый и колющий, как розовые шипы, он пронзал мою кожу, проникая в поры и сводя мои мышцы. Телодвижения были мне непосильны. Моё тело остывало, и я чувствовал это. Это приятное чувство. Словно погруженный во льды после невы-

носимой, изнуряющей жары, я получал наслаждение от постепенно изводившего меня холода. Резкий перепад температур отзывался легким покалыванием или пощипыванием, будто тысячи радио и телепомех у тебя под кожей. Не помню, как долго это продолжалось, но помню, как резко и бесцеремонно моё тело пронзило судорогой. Приятного мало. Радует одно – боль я ощущал не так явно.

Серый шум. Я слышал только серый шум. Меня вертело, переворачивало, бросало из стороны в сторону, как головокружение. Вода бурлила и хлестала по лицу, залезала ко мне под одежду, пробиралась под кожу. Определить, где начинаюсь я во всей это свистопляске Сибирской реки было невозможно. Мое тело стало частью потока, и где-то в нем еще беспомощно барахтался я, как вдруг...удар. Что-то тяжелое тупо приложило меня по голове. Я зажмурился и, хотя меня мотало, как лист в осеннем порыве, появилось стойкое ощущение неподвижности, и я услышал бесконечный писк, напоминающий неподвижную, но точно бегущую, прямую. Будто помещенный в масло или формалин, я лишь еле ощутимо покачивался от прикосновений воды, испуская плотные пузырьки воздуха. Застывший в воде, как насекомое в янтаре, я слегка приоткрыл один глаз и улыбнулся черному бесформенному предмету, который быстро приближался ко мне. «Конец», -мысленно проговорил я, прежде чем отключился. Прошло полторы минуты как я спрыгнул, но казалось позади целая жизнь. Глаза мои закрылись и остался только

писк тишины.

Очнулся я в больнице глубокой синей ночью. В палате храпели минимум двое. В окно нагло таращилась луна и я отвернулся. Мне было стыдно. Стыдно перед собой, перед луной, перед рекой и перед больничной палатой. «Вопль... ты победил». Сосед подавился храпом, замолчал, но после снова захрапел.

Всю ночь я смотрел куда-то в темноту, где мерно поднималась одеяло. На утро медсестра рассказала мне, что тот черный бесформенный предмет оказался человеком. Случайным прохожим, каких миллионы. Увидел... и спрыгнул, поспешил на помощь. Достал меня, вызвал врачей и исчез. «Вы не переживайте! Такое часто бывает, когда, особенно утром, на работу спешат. Спасли и ушли – обычное дело. А теперь давайте, надо укол сделать».

После укола медсестра спросила, как я оказался в реке. «Дела... главное не волнуйтесь, мы вас поправим. Отдыхайте!». Забрав утки у моих соседей, она ушла. Через пару дней меня перевели в другое отделение. «До полного восстановления побудите здесь.» С того дня прошло уже четыре месяца. За это время успело пройти лето, успел растаять тополиный снег, а у меня появились морщины и ноют суставы. Когда я слышу вопль за стенкой, я тихо улыбаюсь и повторяю про себя: «До полного восстановления осталось один... два... три... один... два...»